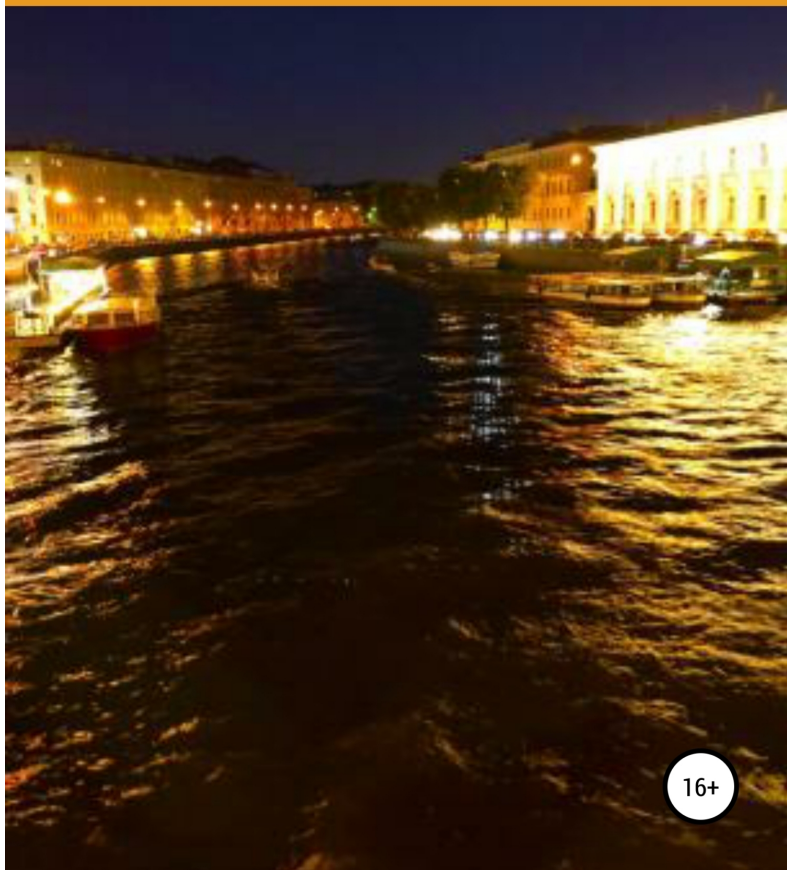

Байчиков Даниил

Мудрый путник

16+

Даниил Владимирович Байчиков

Мудрый путник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66403460

SelfPub; 2021

Аннотация

Путник Василий теряет в катастрофе своих детей и обвиняет в этом судьбу, но Творец мира позволяет ему распорядиться своей судьбой самостоятельно. Сделает ли себе лучше Василий?

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Даниил Байчиков

Мудрый путник

Какой же долгий путь туда лежал: километры запутанных пустынных тропинок, пролегающих меж худощавых деревьев, пустивших по всему лесу жадные корни, словно желающие окутать всё сущее там и затянуть с собой, в недры земли. Безжизненное белое небо и режущие глаза, похожие на двадцатилетние веники ветки – всё, что составляет компанию одинокому скитающемуся путнику, устало передвигавшего ногами по пыльной тропе. Находился он там не один час и не два – намного дольше, поворачивая то налево, то направо, в попытках пройти заветный маршрут. Он и не замечал лишнее: загнивающие пни, а также трупы обессиливших людей, к которым, между прочим, герой и сам мог без труда присоединиться через небольшой промежуток времени. Время для него стёрто, минута проходила, как час и наоборот. А дойдет ли он вообще? Не исключено, что всё это время он ходил кругами, напрасно топтая высохшую почву, однако если это так, то он останется там, пожалуй, навсегда, позволив многочисленным корням себя поглотить, высосав последнюю влагу из его организма, которой и так осталось чуть-чуть, а корни, свою очередь, были повсюду, как и большие затертые камни, коих было еще больше. Так много, что в один момент он просто споткнулся и, как будто по-

теряв сознание, упал на пыльную тропу. Но сознание у него работало прекрасно: в его воображении появлялись образы дома, уютной кровати и отсутствия срочных дел. Дома он лежал так частенько, и не от какого-то отчаяния или грусти, совсем нет. Он мог обдумывать свой день, свои планы, порой рисовать что-то, думать, как удивить и чем порадовать своих деток. Без этого он не чувствовал себя достойный отцом, для него, как закон – что-то купить, что-то принести. Больше всего он любил дарить им эксклюзивные кораблики ручной работы мастеров, которые изготавливались месяцами, и на каждом из них обязательно указаны имена каждого из сыновей.

-Папа, а куда мы пойдем сегодня – едва он успел захлопнуть входную дверь и положить на пол сумки.

-Куда хотите – с добротой отвечая трём своим сыновьям.

-Давайте в парк? – предлагает старший.

-А поехали – подхватывают остальные, вместе с отцом, мыслили они почти всегда одинаково.

-А можно мороженое? – стеснительно мог спросить любой из них, желая перекусить чем-нибудь вкусненьким на свежем воздухе.

-Какое ты хочешь? – ни разу не отказав всегда отвечал отец, обязательно получая после каждый трапезы или че-

го-то хорошего с его стороны греющие ему душу слова: "Мы тебя любим и никогда не забудем, папочка".

Эти мысли на мгновения поднимали его настрой, от чего он хотя бы был способен встать и бродить дальше. Хоть бы одна птица, хоть бы случайно пробегающая белка подали какой-то знак жизни – нет ничего, ни живой, да и походу даже мертвой души. Неприятно-промозглый ветерок постепенно довел его до легкой дрожи – одеваться стоило явно теплее, но, скорее всего, он замерз бы и так, только не от погоды, а от одиночества, которое пробирает тело прямым изнутри. Иногда его трясло так сильно, что он хватался руками за свою шею, чтобы хоть как-то согреться, нагибался и просто стоял в полусогнутом состоянии, выжидая отступления холода. Мучился он так долго, пока наконец-таки не был вознагражден результатом – Василий почти пришел. В этом месте летают разноцветные сияющие всеми цветами радуги бабочки, бегают вороватые белочки. Всё ближе подходя к заветному месту, деревья обзаводятся большими шевелюрами, кажутся живее, цвет выцветших полу-осенних листьев преобразуется в ярко-салатовый, краски неба уже не уныло-белые, а голубоватые, а чуть после – напоминают сапфировое дно моря – он определенно идет правильной дорогой. Только вот – неутешительный факт: дно, обычно, приобретает такой цвет только после страшной бури, череды гроз, какого-то кораблекрушения, смерти экипажа. Взять в пример одно из

недавних подобных происшествий, которое всплыло у него в памяти. Могли ли ждать невинные моряки настолько неблагодарной участи? День обещал быть удачным: прогнозы были подходящими, море же – самое тихое.

– Готовы к путешествиям, друзья? – крайне восклицательно спросил капитан судна Василий, будто бы следом произнесет "Огогооо" или какой-то подобный клич. Во внешности статного мужчины, носящим всегда исключительно белоснежный пиджак и брюки, а еще любивший поправлять свою отполированную до заводского состояния фуражку, скрывался буйный дух, в добром смысле этого слова, пирата. Нет, он – не разбойник или грабитель, а благочестивый путешественник. Правда, с буйностью у него действительно было не всё в порядке, ведь обращение к команде он делал, стоя на большом круглом столе, в комнате собраний и эксцентрично размахивая руками. Спрыгнув с неё, сам же ответил на свой вопрос, как бы от лица остальных, в то время как они продолжили сидеть на своих местах окаменевшими.

– Даа, капитан – произнес восторженным голосом, пародируя ответ товарищей. Впрочем, отказ бы он не принял, так что какая разница, кто озвучит эти слова.

Они давно привыкли к нему, и, по правде сказать, за это и полюбили. А сможет кто-то другой из каждой трудной ситуации не только выбираться невредимым, но и, прежде всего, всегда спасать других?

Это было небольшое частное судно, и отправилось оно на экспедицию по изучению морских обитателей, а может – на поиски таинственного клада, как захотят увидеть это моряки. Капитан вышел на палубу и, медленно проведя взглядом слева направо, прямо по линии горизонта, заметил неладное – небо с каждой минутой темнеет и темнеет. Если час назад оно было просто серым, и то, сквозь проёмы в объемных облаках пробирались косые солнечные колонны, словно пробивая их, создавая такую атмосферу, что еще чуть-чуть и откроется проход в другой мир, то сейчас оно напрочь затянулось, становясь всё темнее и темнее. Будет дождь, да скорее ливень.

–Может, придется перенести заплыв – расстроено сказал капитан, немного подумав. Он очень любит тех людей, находящихся на борту, хоть и никогда плохая погода не оборачивалась чем-то плачевным. У команды волнение, конечно, тоже присутствовало, но коллективный азарт был намного сильнее. Объективно он осознавал, что буря может усилиться и не понятно, до каких масштабов, и неудачное путешествие точно лучше потенциальной беды, хотя разочаровывать команду тоже очень боялся. Повернуть назад означало для его команды отступить, сдаться, а их убеждения совсем никак не подходили под такие действия. Чтобы они чего-то боялись? Смешно! Волны усиливались, рывками атакуя на корабль, недалеко Зевс разъяренно бросал в них золотистые

молнии, прицельно в судно, каждый раз был близок, но попадал лишь в хмурую воду – повезло. Примерно так можно описать, как недалеко они были близко к смерти. Ветер уже не оставлял и шанса на то, чтобы в здравом уме выйти на палубу, всё так быстро началось и, судя по темпам, не менее быстро закончится, если ничего не предпринять.

–Простите, ребята, но сами видите обстановку – тихо и обиженно нагнув голову пробормотал капитан, попутно неохотно крутя штурвал на сто восемьдесят.

–Отставить, салага! – утвердительно возразил товарищ, трогая штурвал с другой стороны и стоя напротив капитана

–А когда вы еще поплаваете в дождик?

Такой вопрос крайне смутил Василия, как и наглость матроса.

–Дождик? Тебе глаза прочистить? И то не поможет, наш корабль качается, как неваляшка, ты что ли совсем без чувств? – яростным, агрессивным тоном уточняет Василий. Такое поведение вывело его окончательно, никто о них не позаботится и не подумает, если не он. Сейчас он видит перед собой шайку безответственных разгильдяев, но точно не товарищей, на которых можно положиться.

Над тем матросом, Александром, азарт взял верх сильнее остальных, он не просто смел возразить капитану, так еще и делал это в том его редком разозленном состоянии, когда лучше не шутить, абсолютно никому. На эмоциях, Алек-

сандр толкнул Василия и вырвал из его рук штурвал

–Наш капитан отошел, временно его заменяю я – переводя на шутку, со всей скорости погнал напрямик в центр бури. Естественно, обижать капитана он не хотел, они – как семья, поэтому никто и не воспринял это, как оскорбление, скорее, как шалость, за которую их, как всегда "дома" наругают, но потом безоговорочно простят. А вот упавший на пол Василий расценил действие совсем иначе, для него оно приобрело другое значение:его не сместили, его не перестали уважать – нет, ему не было до этого дела. Самое важное для него – люди, за которых он отвечает жизнью, которых он может потерять в любую секунду. Он вставал, оперевшись руками назад и смотрел в глаза Александра. В очах капитана промелькивали раскаты молний, в глазах же заменившего его матроса – да ничего в них не было, ему был виден только висок, ведь взгляд последнего был направлен куда-то далеко-далеко вперед, так далеко, что уже ни за что не поймать и, что самое обидное – точно не вернуть назад.

–Я не могу их потерять, что я буду без них делать. А если я умру вместе с ними, мне же уже не будет так больно? – про себя рассуждал Василий, смотря на уже черно-серое небо, превращающиеся в какую-то черную дыру, что внешне, что по факту – вихрь образовал воронку и поглощал всё в определенном радиусе вокруг, заодно и их корабль. Экипаж понял это слишком поздно, их глаза наполнились страхом, как

у пойманного волком зайца – бежать некуда и никто не придет на помощь. Василий даже не увидел, что их засасывает, в его памяти твердо отпечатались только последние команды матросов друг другу: "Крути, крути", "Звоните спасателям" и судорожное кручение штурвала – как жаль, всё напрасно.

Путник, тем временем, продолжал наслаждаться атмосферой места, куда пожаловал: помимо бабочек, красочных зверюшек и салатových деревьев, где-то недалеко слышится звук водопада. Его шум, аккуратно попадая в душу путника, вытесняет все печальные воспоминания и моментально сбрасывает усталость: теперь он не изнемогающий от усталости скиталец, а блаженный путешественник, оказавшийся в месте, подобном раю. Пройдя по поляне еще немного дальше, усеянной сочной высокой травой с сидящими на пышных цветах божьими коровками, и периодически поднимая голову наверх, наблюдая светло-сапфировое небо, он в итоге натывается на свою конечную цель – сидящего на лугу монаха. Монах, по имени Матвей, сидит на большом тёплом камне и общается со своей пушистой, кофейного оттенка собакой. Ему от природы дано понимать животных, а может, он её вовсе и не понимает. Вообще, отличительная черта монаха не в его, по слухам, даре понимать братьев наших меньших, а в том, что он – всемогущ. Слухи доходили до многих, известен даже путь к нему, но проходят его только самые сильные духом, Василий – один из таких, потому-то он

и пришел сюда.

-Почему?! – недовольно и резко спрашивает герой.

Монах, делая глубокий вдох и не капли не колеблясь, зная и творя всё в этом мире, любезно даёт ответ, хоть даже и не слышал вопроса полностью, только агрессивное "Почему?!".

-Я сделал вам лучше – с упоением вводит в курс дела монах, будто он спас не путника, а самого себя и напоминает себе об этом.

Всё дело в том, что этот путник – и есть Василий, а экипаж – его дети, которым он в детстве дарил кораблики, и уже в более позднем возрасте – на досуге бороздил с ними просторы моря. Любил он их не только как команду, в первую очередь они приходились ему родными детьми, за которых он готов отдать всё, по этой причине он и дошел до этого сакрального места. Согласно мифам, где-то на Земле обитает Творец в образе монаха, управляющий всеми событиями по одному принципу – всё сводить к наилучшему исходу. Василий верил в это смутно, но как тут не поверить после такого:из облаков, в последние секунды жизни судна и его семьи, он отчетливо слышал голос:"Ты выживешь. Чтобы избавиться от вины, зайди в ближайший лес и иди самой мрачной дорогой, до изнеможения". Последствия ясны и так:ко-

рабль потонул, уходя под воду с криками и воплями, а Василия чудом выбросило на берег. Вроде бы, до этого никакой суши рядом не виднелось, в его памяти этот момент и в помине отсутствует. Было похоже на галлюцинации и бред, но когда он всё-таки пришел, по обещанию убивавшийся виной за смерть сыновей, одна из троп убедительно отличалась своей таинственностью.

-Но как же лучше, как же лучше, когда мои дети погибли, а я остался без царапки? Как же лучше, когда каждый мой сон – кошмар с этой ужасающей картиной? – истерически засыпает вопросами монаха, даже не желая слышать ответы, он готов продолжать список вопросов хоть час. Пока его не остановил заинтересованный в диалоге Матвей.

-Вы считаете, что смогли бы сделать лучше, будь вы Творцом?

К такому сложному философскому вопросу он был не готов. Тем не менее, немного набравшись смелости, он начинает рассуждения.

-Честно сказать, я бы на Вашем месте не убивал невинных детей. Да, они глупы, то их ли в том вина?

-Тогда честно ответьте на вопрос:Вы считаете себя муд-

рым? – спросил Творец и продолжил свою мысль.

-Если Вам виднее, давайте я дам вам особый дар – вершить судьбы, что хотите, то и сделайте. Но предупрежу вас, если вы посмотрите на ситуацию только с одной стороны – пострадаете больше всех.

Что уж тут сказать:Василий был просто шокирован. Сам Творец даёт ему свою возможность – вершить судьбу. Ему предложено самому отчасти стать Творцом. Наверное, в любой другой ситуации он бы отказался, ему не хочется брать такую ответственность на себя. Но в его-то положении, когда он не находит себе места от потери, отказаться для него – невозможно.

-Я вам обещаю, клянусь, я воспользуюсь этим лишь на благо своих детей! Не давайте мне никакой дар, просто прошу, исполните одно желание – воскресите моих сыновей, мою – упав на колени, умоляет монаха о возрождении.

-Хотите, заберите мою душу, но только...

-Я Вас понял – прерывает его Матвей.

Вставая с камня, он отходит от Василия и поворачивается к нему лицом, смотря на водопад. Он сложил руки и с закры-

тыми глазами умиротворенно поднял голову к небу, дыша донельзя свежим воздухом. Так они стояли 5, 10, 15 минут.

-Простите меня за глупый вопрос, но когда вы исполните мою молитву?

-А уже. Обернитесь.

Как можно быстрее и жадно обернувшись, он увидел трёх своих детей в метрах пятидесяти от себя, беззаботно играющих в кораблики на кристально-прозрачном ручейке, робко протекающим по поляне.

-Для них сейчас проходит обычная прогулка по лесу, ничего сверхъестественного, момент с трагедией же из их памяти стёрт.

На его глазах накатились слёзы. Между прочим, одна из его самых ярких мечт – пригласить семейство на сбор грибов. В его планах это было сутками позже того злосчастного дня кораблекрушения. Нет момента подходящее, чем сейчас.

-Ну что, команда, вы готовы к гастрономической экспедиции по просторам леса? – как и в старые добрые времена воскликнул капитан, со всех ног подбегая к матросам.

Они, как и раньше, удивленно, но по-доброму посмотрели на него и ждали "собственного" ответа.

-Ахахаа, так и знал – ему не верится, это – и вправду его дети, живые, перед ним.

Под рассказы каких-нибудь бессмысленных и наполовину выдуманных историй, команда шагала вперед к приключениям, и без разницы где: на суше, на воде, под водой. Главное, что все вместе. По мере отдаления от волшебного пристанища монаха, которого он так и забыл искренне поблагодарить, листья теряли свою яркость, приятное пение птичек утихало, небо снова белело и силы угасали – знакомое состояние, но он точно знает, что самые близкие люди с ним, а всё остальное – не страшно.

Трое братьев взахлеб продолжали рассказывать друг другу детские истории, и не важно, что все события с ними происходили одни и те же, так как проводили время они вместе, менее интересное от этого не становилось. Постепенно они всё ускорялись и ускорялись, ни разу за это время так и не обернувшись, не посмотрев на их спасителя. Василия это задело, но он видел счастливые лица, а большего ему было не надо.

Ну вот, они отошли от отца настолько, что пропали из поля зрения, но догонять их у Василия уже не было сил. Неожиданно у него появилось странное предчувствие – рядом что-то живое. Из самого далекого дерева постепенно выступал силуэт – это был медведь, шагающий ближе и ближе. Василию всё стало предельно ясно. За его спиной очутился монах, по-прежнему державший руки вместе и смотря куда-то ввысь.

–Теперь-то вы поняли?

–Теперь – да – выдыхая довольно ответил, слегка улыбувшись Василий.

Медведь стал разгоняться и уже через пару секунд со всей скоростью летел на путника.

–Если бы вы не убили моих сыновей, своим безразличием они погубили бы меня днём позже.

Матвей одобрительно кивнул. В его руках из неоткуда материализовалась лопата, которой он стал копать яму, ясное дело – для Василия.

А в глазах последнего стала пролистываться плёнка с воспоминаниями, где он – добродушный и заботливый отец играет со своими любимыми детьми. Как жаль, что оказалось, они его вовсе и не любили. Понял бы он это раньше. В самый последний момент, уже соприкоснувшись глазами, в прямом смысле этого слова, в его голове прозвучала та самая фраза "Мы тебя любим и никогда не забудем, папочка".

Матвей вернулся на камень и ждал следующих "счастливи-
чиков", которым бы обязательно рассказал эту поучитель-
ную историю